

Джения Саида Родиковна

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АБХАЗОВ И ФОРМЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья раскрывает содержание традиционного погребального обряда, а также особенности погребальных плачей и поминальных песен абхазов (на материале фольклорных экспедиций в Гудаутском районе). Описывается особенность музыкального наполнения абхазского погребального обряда. Традиционный похоронный обряд, с его музыкальным сопровождением, является одной из вершин национального песенного творчества, показателем талантливости и музыкальности народа. Изучение музыкально-этнографического аспекта и жанрового разнообразия обряда позволяет выявить ряд художественных особенностей традиционного искусства абхазов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. II. С. 62-65. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

дачи управляющий Владикавказской железной дорогой И. Д. Иноземцев. Неподалеку от станции были построены новое ванное здание. Вокруг станции начал формироваться новый курортный центр Железноводска. Железная дорога позволила расширить рынок туристических маршрутов на КМВ. Экскурсии из разных курортных поселений КМВ пополнились туристическими объектами Железноводска и окрестностей.

Список литературы

1. **Верховец А. Д.** Садоводство и виноградарство в районе Кавказских Минеральных вод: 1825-1830 гг. Пятигорск: Типолитография А. М. Нагорова, 1911. 101 с.
2. **Владикавказская железная дорога. Смета по эксплуатации, 1914 г.** Б.м., 1914. 353 с.
3. **Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).** Ф. 1016. Оп. 1.
4. **Зайцева Е. И.** Дорога на курорты: К 115-летию со дня открытия регулярного движения поездов на участке Минеральные Воды – Кисловодск // Ставропольский хронограф на 2009 год. Ставрополь: Ставропольская краевая научная библиотека, 2009. С. 74-87.
5. **Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно.** СПб.: Типография МПС, 1899. Вып. 2. 660 с.
6. **Коваленко В. И.** Железноводск. Страницы истории. Железноводск: Экономическая газета, 2000. 110 с.
7. **Мартынов П. К.** Дела и люди века. Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки. СПб.: Типография Р. Р. Голике, 1893. Т. 2. 376 с.
8. **Польский Л. Н.** Летопись Пятигорска. Пятигорск: Типография им. Г. Г. Анджиевского, 1993. 122 с.
9. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 37. Оп. 66.
10. **РГИА.** Ф. 219. Ч. 8. Оп. 1.

**ZHELEZNOVODSK RAILWAY BRANCH AND ITS INFLUENCE ON DEVELOPMENT OF RESORT REGION
“THE CAUCASIAN MINERAL WATERS” AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Danilov Anton Valer'evich
Pyatigorsk State Linguistic University
danilov_a.88@mail.ru

In the article the facts of building Zheleznovodsk approach road at the end of the XIX century and its usage at the beginning of the XX century are considered. The author reveals the technical features of building the railway branch, emphasizes the uniqueness of the technical decision of Vladikavkaz railway engineers when designing the road. Special attention is given to the role of the resort branch in the industrial development of the region. On the basis of the research results the role of railway transport in the development of the resort region “The Caucasian Mineral Waters” at the end of the XIX century – the beginning of the XX century is analyzed.

Key words and phrases: Vladikavkaz Railway Community; Mineral Waters branch; “The Caucasian Mineral Waters”; Zheleznovodsk; Zheleznovodsk approach road; firm “Трахит” (Trahit).

УДК 78.07

Искусствоведение

Статья раскрывает содержание традиционного погребального обряда, а также особенности погребальных плачей и поминальных песен абхазов (на материале фольклорных экспедиций в Гудаутском районе). Описывается особенность музыкального наполнения абхазского погребального обряда. Традиционный похоронный обряд, с его музыкальным сопровождением, является одной из вершин национального песенного творчества, показателем талантливости и музыкальности народа. Изучение музыкально-этнографического аспекта и жанрового разнообразия обряда позволяет выявить ряд художественных особенностей традиционного искусства абхазов.

Ключевые слова и фразы: погребальный обряд; похоронно-поминальная обрядность; причитания; плачи; оплакивания; воздушное погребение; вторичное захоронение.

Джения Саида Родиковна

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова
Sasaj234@inbox.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АБХАЗОВ
И ФОРМЫ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ** ©

На сегодняшний день традиционный погребальный обряд абхазов в музыкальном отношении малоизучен, поэтому всё чаще привлекает внимание отечественных фольклористов. Значительный интерес представляют жанры погребальной песни и погребального плача, исследованию которых посвящена данная работа.

Древними историками был зафиксирован погребальный обычай, известный в литературе под названием «воздушного погребения». Аполлоний Родосский (II в. до н.э.) пишет [4, с. 208], что у колхов считается святотатством предавать огню или зарывать в землю трупы умерших мужчин, их завертывают в невидубленные бычачьи шкуры и при помощи веревок вешают на деревьях вдали от города, в то время, как трупы женщин предаются земле. Согласно Николаю Дамасскому [5, с. 101] (I в. до н.э.), колхи покойников не предавали погребению, а вешали на деревьях. Клавдий Элиан (III в. н.э.) также отмечал, что «колхи хоронят покойников в кожах: зашивают их и вешают на деревьях» [Там же, с. 102]. «Вахушти в XVIII в. писал, что абхазы клали мертвых одетыми и вооруженными в гробы и ставили на деревья» [Там же, с. 103].

Отличительной особенностью культуры Абхазии в эпоху энеолита и ранней бронзы является «широкое распространение обряда вторичного захоронения» [2, с. 99]. Вторичное захоронение, по-видимому, имело в Абхазии глубокие традиции и встречалось в разных местах: в пещерах, урнах, дольменах и пр., и не только в раннебронзовую эпоху, но и в более поздние времена. В дольменах же подвергали «вторичному захоронению» лишь крупные кости и черепа, оставшиеся после первичных «воздушных захоронений» на деревьях. Позднее подобные «воздушные захоронения» описывали в своих работах греческий историк Геродот (V в. до н.э.) и абхазский этнограф XIX в. С. Званба свидетельствует о преемственности данного погребального обряда, который соблюдался древними предками абхазов на протяжении почти 5 тыс. лет.

Абхазские поминальные обряды впервые были опубликованы в работе Г. А. Дзидзария «Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века», в которую вошли полевые записи Торнау, сделанные им в 1835 году в селе Лыхны. От семьи Шакрыл учёному удалось зафиксировать поминальный обряд по случаю годовщины гибели знатного представителя рода. Исходя из описания, представленного автором, видно, что в XIX в. абхазские поминки отличались своей грандиозностью (в частности, в указанных траурных торжествах принимало участие свыше 2 000 человек). По существу, поминки продолжались двое-трое суток, в течение которых хозяева обязаны были кормить и поить всех посетителей [7, с. 89].

Традиционный погребальный обряд и его музыкальная стилистика до сих пор остаются практически не исследованными. Достаточно полно полевые исследования проводились в области этнографии. Известны следующие работы: Ш. Д. Инал-ипа «Абхазы», Г. Ф. Чурсина «Материалы по этнографии Абхазии», в которые вошел богатый этнографический материал, собранный автором в середине 1920-х годов.

В теоретическом плане абхазская похоронно-поминальная обрядность представляет собой глубокий пласт мифологического осмысления потустороннего мира, в который наслонились либо христианские, либо мусульманские элементы, в зависимости от религиозной принадлежности покойного.

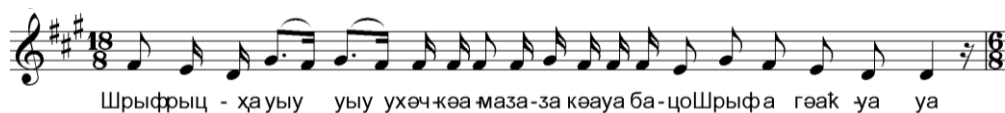
В сложной структуре религиозных обычаев похоронно-поминальные церемонии наименее подвержены инновациям: многие их элементы, восходящие к глубокой древности, существуют и в настоящее время. Это подтверждает экспедиционная работа в селе Ачандара Гудаутского района и общение с информантом Джения Венерой Ширифовной, 1937 г.р. Она оказалась знатоком похоронных и поминальных плачей, которые узнала от старшего поколения. Вспоминая о смерти брата, рассказывает следующее: «Когда мой брат умер, родственники или соседи приехали сообщить мне. Узнав о смерти, я начала кричать и рвать себе волосы. Когда заходила во двор сестра или тётя, кричали и оплакивали умершего, а кто уже был в доме и видел входящих, они тоже начинали кричать: —Ую, ую!»», говорили: —Что он (умерший — прим. автора С. Д.) с нами сделал, несчастный мой!»».

Венера Ширифовна глубоко усвоила традиционные исполнительские формы плачей и на их стилистической основе сама способна их импровизировать. Плачи по умершему, в зависимости от лица каждого из родственников, разнообразны по своей тематике и функционированию. В процессе обряда оповещают о смерти, оплакивают умершего у изголовья. Начальная форма выражения горя — плач-оповещение.

В плачах-оповещениях соединяются два компонента: с одной стороны — это распевный слог, который представляет собой две ноты полутонного сопряжения и отражает собственно плач. Его семантика — горестный вопль об умершем:

Второй музыкальный компонент данного плача — это речитатив, который тематически конкретизирует речь исполняющего. Горестные переживания передаются речитативной импровизацией и, как правило, развиваются в диапазоне человеческого голоса. Иногда, в определенных кульминационных моментах, выражая своё эмоциональное состояние, исполнительница поднимает интонацию вверх. Отсюда интонация может повышаться, развивая диапазон речитатива:

Приведенный пример свидетельствует об отсутствии стабильной музыкально-ритмической цезурированности, но в тоже время, обладает яркими музыкально-стилистическими элементами, которые создают семантическую наполненность. В этом плаче-оповещении речитатив развёртывается в диапазоне увеличенной кварты. Тритоновый ладовый элемент создает дополнительное звуковое напряжение, выражая скорбь, горе, а в итоге являясь семантически значимым. Но следует еще обратить внимание на существенную сторону формообразования: речитатив может прерываться плачем, и этот приём дополнительно вносит трагический колорит в музыкальное содержание.

Кроме одноголосных плачей, в погребальном обряде абхазов существуют и многоголосные песни: например траурно-обрядовая песня «Ауоу» и траурная песня-гимн «Азар». Эти песни исполняются ансамблем женщин или мужчин. Одно из фольклорных открытий в данной работе – групповой мужской плач, который является древней абхазской традицией, передаваемой из поколения в поколение. Характерной чертой мужского группового плача является одноголосное вступление, запев исполняется иногда поочередно разными певцами и в дальнейшем подхватывается группой певцов, которые импровизируют в процессе исполнения. Каждый мужчина передает выразительной интонацией голоса свою искреннюю боль по умершему. Это прерогатива старшего поколения, которое по традиции оплакивает покойника. Молодое поколение присутствующих становится около покойника с опущенной головой.

Траурные песни разнообразны по своей функциональности. Так, траурная песня «Азар» (сохранилась в Абжуйском районе Абхазии) исполняется исключительно мужским составом и является частью поминального обряда. В день больших годовых поминок самые близкие родственники исполняют причитания. В этот же день, в память умершего проводились традиционные игры, скачки и состязания, во время которых исполнялась «Азар». При отсутствии развернутого смыслового текста, в ней наблюдается четкая образная определенность, которая связана с воспроизведением элемента обряда. С этой песней участники заезда трижды обходили могилу, после чего начинали свой путь. В заезде принимала участие и лошадь покойного.

В этом же районе сохранился древний обряд обхода вокруг мужчин-плакальщиков справа налево родственниками, несущими траур. Это сопровождается столь же символическим обведением правой рукой вокруг головы каждого плакальщика, символизирующее принятие на себя их бед и несчастий.

В недавнем прошлом существовали особые плети с широким куском ремня – язычком, которыми мужчины ударяли себя в затылок, и чем громче раздавался звук от ударов ими, тем лучшим плакальщиком считался он. В настоящее время не сохранился обряд «оплакивания с плетью», а оплакивают покойника, ударяя его руками по лбу. Эту традицию выполняет, как правило, старшее поколение.

На основании приведенных материалов можно проследить стиль и характер траурных песен абхазов. Следует отметить, что эти песни прошли многовековой путь развития и включают как архаические, так и более поздние мотивы. В их основе лежит лаконичная мелодическая попевка, варьируемая на протяжении всей песни. Для древнейших траурных песен типичен неширокий диапазон – в пределах кварты. Но в процессии пения он может развиваться до септими. Характерным ладом траурных песен является фригийский.

Анализ похоронных причитаний показал свою глубокую традиционность. Несмотря на импровизационный характер, причитания имеют устойчивую композицию и художественно-стилистическую основу, что способствует их сохранению в традиции. Популярность плачей и причитаний в народном сознании, а также их поэтические достоинства, убеждают в несомненном влиянии этого жанра на историко-героические песни абхазов.

В результате экспедиционных наблюдений в Гудаутском районе можно констатировать сохранность традиционного погребального обряда его устойчивую музыкальную составляющую. Вот некоторые выводы:

- по-прежнему звучат плачи и причитания, которые исполняются родственниками умершего. Сохранилось и жанровое разнообразие плачей;
- плачи исполняются в импровизационной форме. Первый плач-оповещение о смерти исполняется самым близким родственником. Он строится на горестных возгласах, восклицаниях: Ууу, ууу, ууу, уа,уа!;
- кроме плачей в обряде также звучат погребальные песни, но в настоящее время их стало значительно меньше: на похоронах редко поют традиционную песню «Ауоу», и, к сожалению, утрачена игра «Самакуа», которая обычно исполняется в годовщину поминовения усопшего (*сведения о ней записаны только со слов информантов – прим. автора С. Д.*);
- в целом, погребальный обряд продолжает существовать в несколько измененном виде, но сохраняет свою функциональность и эмоциональную наполненность, что свидетельствует о стойкости традиционной культуры абхазов.

Список литературы

1. **Ашхотов Б. Г.** Традиционная Адыгская песня-плач Гьыбзз. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2002. 235с.
2. **Джанашиа Н. С.** Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1960. 190 с.
3. **Званба С. Т.** Абхазские этнографические этюды. Сухуми: Алашара, 1982. 80 с.
4. **Инал-ипа Ш. Д.** Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Алашара, 1965. 450 с.
5. **Инал-ипа Ш. Д.** Вопросы этнокультурной истории абхазов: тр. в 11-и т. Сухум: Изд-во Абхазского ин-та языка лит-ры и истории им. Д. И. Гулиа, 2011. Т. III. 500 с.
6. **Хашба М. М.** Жанры абхазской народной песни. Сухум: Алашара, 2007. 156 с.
7. **Чурсин Г. Ф.** Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1957. 264 с.

HISTORICAL BACKGROUND OF THE ABKHAZIANS' SEPULCHRAL RITE AND ITS FUNCTIONING FORMS IN MODERN CULTURE

Dzheniya Saida Rodikovna

Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov

Sasaj234@inbox.ru

The article reveals the content of the traditional sepulchral rite and the peculiarities of the sepulchral lamentations and funeral songs of the Abkhazians (by the material of folklore expeditions in Gudauta region). The characteristic feature of the musical filling of the Abkhazian sepulchral rite is described. The traditional sepulchral rite with its musical accompaniment is one of the summits of the national song creativity, an indicator of the people's giftedness and musicality. Studying the musical-ethnographic aspect and genre variety of the rite allows revealing some artistic peculiarities of the Abkhazians' traditional art.

Key words and phrases: sepulchral rite; sepulchral-funeral ceremonies; keening; lamentations; mourning; air burial; reinterment.

УДК 901

Исторические науки и археология

В статье представлен обзор исторических публикаций дореволюционного периода, повествующих о крещеных калмыках, приписанных к иррегулярным войскам Среднего Поволжья и Южного Урала. Благодаря усилиям дореволюционных историков определились основные направления исследования региональной калмыцкой проблематики. Собранный и опубликованный в то время архивный материал служит ценнейшим подспорьем для пополнения источниковой базы современной историографии.

Ключевые слова и фразы: историография; крещеные калмыки; Оренбургское казачье войско; Ставропольское калмыцкое войско.

Джунджузов Степан Викторович, к.и.н., доцент

Оренбургский государственный педагогический университет

Djund@yandex.ru

ИСТОРИЯ КРЕЩЕННЫХ КАЛМЫКОВ СРЕДНЕВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]

Крещеные калмыки-казаки, проживавшие в Среднем Поволжье и на Южном Урале в XVIII – начале XX в., до недавнего времени не являлись объектом специального монографического исследования. Нельзя сказать, что они не пользовались вниманием исследователей. Составленный П. Э. Алексеевой и изданный в 2004 г. в Элисте «Библиографический указатель работ по истории ойратов и калмыков с древнейших времен до 1917 года» [3] включает более ста книг и статей, затрагивающих историю ставропольских и оренбургских калмыков, и это далеко не полный перечень. Но, как правило, события, связанные с интересующей нас калмыцкой этнической группой, представлены на страницах книг, посвященных истории городов, губерний, войн, казачества, религиозных конфессий или отдельных личностей.

Труды дореволюционных авторов современными исследователями рассматриваются не только как историко-литературное наследие, но и как источниковый материал. Многие из них были написаны «по горячим следам» современниками описываемых событий, кроме того, часть использованных при их написании архивных документов по разным причинам была утрачена. Ряд закономерностей, присущих оренбургской историографии дооктябрьского периода, в русле которой осуществлялось и изучение проживавших в Оренбургском крае калмыков, выявил Д. А. Сафонов. Исследователями «оренбургской старины» были, прежде всего, краеведы. Им были присущи абсолютное доверие к официальным документам, признание авторитета предшественников, чьи труды они, по сути, пересказывали, дополняя вновь обнаруженными фактами, а также почти полное отсутствие анализа и критики привлекаемых источников [17, с. 3-4].

К середине XVIII в. в ведомстве оренбургского военного губернатора находились два поселения крещеных калмыков – ставропольское и оренбургское (бузулукское). Первое из них получило войсковое устройство и по аналогии с административным центром – городом Ставрополем-на-Волге – именовалось Ставропольским калмыцким войском. Второе – оренбургское – было причислено к Оренбургскому казачьему войску, но так как для этой группы калмыков была отведена территория в Бузулукском уезде, то в некоторых документах, относящихся к XIX в., оренбургские калмыки также именуется бузулукскими, а как часть Оренбургского войска – калмыцкой командой.

24 мая 1842 года Николай I подписал именной высочайший Указ на имя управляющего Военным министерством о присоединении Ставропольского калмыцкого войска к Оренбургскому казачьему войску. Росчерком пера император распорядился судьбой почти трех с половиной тысяч крещеных калмыков, лишив их особой административно-территориальной организации и связанных с нею привилегий. Годом ранее той же